

В.С. Хорол

ГОЛУБЯТНЯ
Письма матери сыну,
опубликованные через 70 лет

125-летию Веры Хорол посвящается

Санкт-Петербург
2019

В.С. Хорол

ГОЛУБЯТНЯ

**Письма матери сыну,
опубликованные через 70 лет**

125-летию Веры Хорол посвящается

Санкт-Петербург

2019

УДК 82-6
ББК 84(2)
Х81

Х81 Хорол В. С.

Голубятня. Письма матери сыну, опубликованные через 70 лет. – СПб.: Научное издательство «Лань», 2019. – 21 с.

Представляю читателю произведение моей мамы, детской писательницы, члена Союза писателей, написанное более 70 лет назад. В то время борьбы с безродным космополитизмом опубликовать его, несмотря на хорошие отзывы многих известных людей, не удалось. После смерти мамы при переездах черновики затерялись, и только сейчас обнаружались. Я отредактировал и существенно сократил текст. Произведение трогательное и талантливо написанное. Мой долг перед памятью мамы, пока жив его опубликовать.

С.А. Юдицкий
(сын В.С. Хорол)

Издано в авторской редакции с оригинал-макета, подготовленного автором.

Оглавление

Голубятня	3
Березовый шум.....	5
Первые шаги.....	8
Война.....	9
Новогодний вечер.....	12
Болезни	14
Твоя учеба.....	16
Биография В.С. Хорол.....	18

Голубятня

Маленькую комнату с низким потолком называют по-разному: мансарда, голубятня и просто чердачок. Стены у голубятни светло-желтые, окно маленькое. Когда за окном метет метель, кажется, потолок голубятни опускается низко над головой. Он как будто говорит: спрячу, затаю, не отдам никому ваше тепло.

На мансарде растет и учится мальчик. С ним живет его мама. А находится мансарда в двухэтажном каменном доме вблизи Арбатской площади Москвы. В снежных серебряных искорках мчатся по площади взад и вперед трамваи, троллейбусы и автомобили. Мальчик в голубятне – это ты, мама его – это я, а чердачок, голубятня, мансарда – это маленькая комната наша.

Стены у голубятни крепкие кирпичные. Под низким потолком они сохраняют тепло нашей голубятни, как и обитая войлоком дверь, как плотно заклеенное на зиму окно, где между двумя рамами на белой вате рассыпана разноцветная шерсть. Глубокая зима вокруг, в лесах садах и огородах забилося под камни, зарылось в землю все живое. Уронили деревья свои листья на землю, затаив в плотно склеенных почках зародыши будущей жизни. На одной из стен голубятни в авоське висит лук, золотой красновато-желтый, розовато-лиловый. У заснеженного окна на подоконнике лежат кочаны капусты и зеленая петрушка.

Они радуют нас, рассказывают, как нынешним летом они росли и крепили на огороде, перегоняя друг друга. Над ними тогда высоко поднимал голову желтый подсолнух, а рядом под лопухами зрели большущие тыквы. Ты тогда закончил учебный год и уезжал в пионерлагерь. Ты собирал в лесу землянику и играл в футбол. Тогда в жаркий полдень на огороде, когда я на миг закрывала глаза, то чувствовала, как все дышит и растет вокруг меня, тянется ввысь к солнцу или стелется по земле. Теперь глубокая зима, заснежен огород, а они зеленеют на подоконнике и яркими красками цветут из авоськи. Я в них утаила частицу лета и принесла в нашу голубятню. Хочешь – это зимние цветы, хочешь – это наш радостный труд. Помнишь, сколько ведер воды мы принесли из речки прошлым летом. Сколько воды вылили на сухую в трещинах землю. И спасли от зноя, вырастили крохотные стебельки. Так, мой мальчик, когда ты заболеваешь, я хожу вокруг твоей кровати, пою тебя то сладким, то кислым, пока не вытащу из беды и не поставлю на ноги. Как летом на огороде, в голубятне идет теперь твой рост. Я иду с тобою рядом и слежу, чтобы ты не распылял твое золотое время.

Возле печки на голубятне лежат приготовленные с вечера сухие березовые дрова. Теперь они дают тепло нам, но до этого они годами стояли в подмосковном лесу высокими белыми березами. Зимой, заиндевевшие, заснеженные, весной они роняли сережки, и были у них тогда клейкие ярко-зеленые листья. Ле-

том они шумели «зеленым березовым шумом». Иногда солнечные лучи, заглядывая в голубятню, попадают в старое бабушкино зеркало. Они дробятся в нем и, отраженные, разноцветными мягкими лучами ложатся на стены. Но дороже всего нам в голубятне этажерка, где на нижней полке ты хранишь свои книги, учебники и футбольный мяч. А на верхних полках, среди книг, лежат работы твоего отца, над которыми он трудился всю жизнь.

Мы прошли с тобою путь, к которому больше не вернемся. Я собрала в горсточку пережитое и записала его тебе в тетрадку. Пусть голубятня-школа, первые твои шаги в ней и мои шаги рядом с тобою, останутся в твоей памяти, как в моей остались березы, поля и речки Украины, где прошло мое детство.

Березовый шум

О чем шумели когда-то на ветру березы, о чем трепетали их листья, ярко-зеленые весной и золотые осенью? О чем шумели старые сосны и ели, когда я девочкой мягкими тропинками, усеянными рыжими иголками, бегала под ними? Я не знала и не знаю, но я любила шум леса. Когда рядом со мною по земле затопал ты, я стала и тебя брать с собой. Я учила тебя видеть и ощущать щедрую благодатную силу земли. Цветы и травы, все что порхает и кружится над ними, и то что снует между стеблями по земле, были первой твоей школой. Над цветами жужжали

пчелы и осы. Муравьи таскали ношу, птицы в клювах приносили корм птенцам, и в твоём сердце загоралась любовь ко всему живому и беззащитному, которое хочет жить и в труде борется за свою жизнь.

Когда тебе минуло пять лет, однажды в летний день мы шли с тобой по тропинке в густой ржи. Собирая цветы, ты побежал по боковой меже и задержался на ней. На ветру шумела высокая рожь, она скрыла тебя от моих глаз. Я хотела окликнуть тебя и тихонько запела:

Сладким соком налитая,
Рожь поднимется густая.
Быстро время пролетит,
Солнце рожь позолотит.
Выйду в поле я с тобою...

Я не окончила. Ты мчался ко мне по меже радостный и взволнованный: мама, это ты пела, скажи? Да я, а что ты подумал? Я подумал, что пели колосья, ответил ты. Я не знала, отчего ты так радуешься: осмыслил ли слова, которые до сих пор не понимал, или тобой овладела та чудесная радость, то беззаботное веселье, которому ты предавался когда-то, слушая эту песню у меня на руках.

Когда тебе шел седьмой год, раз, сбегая с горки навстречу ветру, ты закричал: «Ветер, ветер, дуй на ноги, закали мои ты ноги, ноги слушайте его. Ноги мчитесь по дороге, как боль-

шие два коня». Я радовалась твоим словам, не только потому, что ты их сам придумал, но еще и потому, что у тебя такие легкие ноги. Как радостно, подняв голову, открыв лицо ветру, дождю и снегу, идти вперед. Тогда желанные слова, как ласточки, летят навстречу, а мечты, даже несбыточные, кажутся выполнимыми.

Раз на огороде, когда цвели картофель, тыква и подсолнечник, я сказала тебе: «Смотри как щедро одарила земля человека за его труд. Человек любит свою землю. Трудясь над нею, он зовет ее земля-мать, земля-кормилица. А сколько бодрости, радости и здоровья приносит человеку вода? Вода, струящаяся в речушках, в песке и гравии, горько-соленая морская вода с медузами и пеной, талые потоки вешних вод.

Я передала тебе то, чем жила и любила. Так каждая мать передает своим детям то, что ей дорого. Как ни прекрасны будут стены твоего будущего дома, как ни удобны будут в нем окружающие тебя вещи, они не должны заслонить землю, по которой ты ходишь, и все живое и неживое на ней.

Прошлым летом ты привез из пионерлагеря много сушеных белых грибов. Мама, сказал ты мне, ребята говорят, что у меня острый глаз на белый гриб, я больше всех их насобирав. Я ответила тебе: не только белые грибы и орехи растут на земле. Вокруг тебя много неярких и незаметных растений. Они имеют

свое дыхание, свой аромат, и могут служить человеку. Учись, и ты раскроешь их затаенную жизнь и силу, скрытую от нас.

Первые шаги

Когда ты был совсем маленький и еще не говорил, я произносила тебе медленно и отчетливо: «Богат и славен Кочубей, его поля необозримы» или «И он явился пред полками, могуч и радостен как бой». Ты смотрел мне в глаза и протягивал ручонки. Мне казалось тогда, что ты хочешь схватить мои слова и отправить их к себе в рот, чтобы попробовать их на вкус. Очевидно, ритм стиха заменял тебе песню. Ты рос, слушал стихи, не понимая их. Ты привык к ним, как к моим волосам, глазам и рукам. Смысл стихов пришел к тебе позже, с годами. С тех пор, как ты стал понимать стихи, мы стали настоящими друзьями. Мы читаем друг другу стихи, когда нам весело, когда нам грустно и когда кто-нибудь из нас болеет.

На пятом году твоей жизни я повесила у детской кровати географическую карту, оба полушария. Надо мной смеялись: а что он понимает? Ничего, отвечала я. Когда-то, когда я была маленькой, я тоже ничего не понимала. Но однажды солнечные лучи упали на стену, на которой висела карта, и осветили синеву океанов. Карта привлекла мое внимание. Позже, когда я стала различать буквы, то прочла на карте «Атлантический океан». Я подолгу не отходила от карты, вода по ней пальцем и читала:

«Тихий океан, Индийский океан». Раз это заметил мой отец и рассмеялся. Он рассказал мне про далекие страны, про моря и океаны, и показал мне их на карте. И карта ожила! Мне казалось, что я слышу за стенами нашего дома шум моря, ощущаю ураганный ветер и зной пустыни. Я и теперь люблю карту за все радости, которые она мне дала в детстве. Когда я читала тебе книгу, то связывала ее с картой: я показала тебе Москву, столицу нашей страны, города Киев и Одесса, а также Черное море, куда мы ездили летом. Ты привык к карте и стал самостоятельно копаться в ней. К шести годам надо мной никто больше не смеялся. Ты любил карту и хорошо знал ее. Ты говорил: «Тетя Лена, ты впадаешь в Северный ледовитый океан».

Война

Декабрь 1941 года. Эшелон все дальше уносит нас на юг от ледяного ветра Камы и застывшей в сугробах Казани. Помнишь нижнюю скамейку в вагоне третьего класса, на которой мы прожили с тобой месяц. Ночью я укладывала тебя к стенке вагона. Мне остается узенькая полоска скамейки, и я приставляю к ней чемодан. Мне не удастся приладить чемодан к ребру скамейки. Скамейка то выше, то ниже его и долго лежать нельзя. Я встаю. Сажусь у твоих ног, и тянется долгая бесконечная ночь. В вагоне холодно. Скоро наступит утро, мечтаю я, и ты

побежишь в соседний вагон играть с ребятами. И я тогда высплюсь.

На вокзалах больших станций можно достать кипяток. Иногда это бывает поздно вечером, и мы бежим с посудой. Поезд останавливается далеко от вокзала. Приходится огибать длинные ряды вагонов и теплушек. Я иду позади всех и стараюсь не упустить из виду знакомое пальто, но вот оно исчезает в темноте. Я остаюсь одна между составами вагонов. С обеих сторон они стоят как стены. Один вагон похож на другой. А вдруг я не найду мой вагон, и поезд уйдет? Я бегу, мороз и ветер леденит лицо. Только бы вступить на тамбур нашего вагона! И недаром я волнуюсь. Как только я поднимаюсь на первую ступеньку вагона, поезд начинает медленно ползти вперед. Ты спишь. Я устраиваюсь на острые скамейки и начинаю дремать. И чудятся мне большие весы, на одной чаше которых Жизнь, а на другой Смерть. На тех весах, победила Жизнь. Но сколько было таких минут, когда казалось, что перетянет Смерть...

Я сплю. Когда я просыпаюсь, резкая боль в голове заставляет лежать неподвижно, не шелохнувшись. Медленно, бесконечно долго тянется день. Свет не сменяется темнотой. Что — то властное и жесткое владеет мной и тяжестью давит на сердце. Я задыхаюсь. А потом вижу - потемнело окно, и я засыпаю. Во сне вижу два голубя, два нежных комочка пуха носятся над головой. Они белее снега. Низко, совсем низко они опускаются ко

мне. Я слышу шелест их крыльев, ощущаю их нежный пух, трепет и тепло их тел. Но они не воркуют, а зовут меня тихо, тихо. И я просыпаюсь. В нашей палате врач. Он подходит ко мне: «Поздравляю Вас, кризис миновал, теперь Вы начнете поправляться. И сынишка Ваш поправляется. Он у нас лежит в детской палате, у него тоже сыпной тиф». Я удивленно раскрываю глаза. Я так давно тебя не вспоминала! Рядом пустая кровать, и я прошу на нее положить тебя. Тебя приносят похудевшего, в большой больничной рубаше. А я все сплю, но во сне знаю, что ты со мной, и я вижу тебя. Меня беспокоит, почему ты не укрыт, когда все вокруг укрыты одеялами. Ты сидишь на кровати и с кем-то играешь в шашки. Ворот огромной рубашки расстегнут. До чего ты похудел! Нет ли у тебя осложнения на сердце? Надо тебе лечь. Все это я думаю, а вслух ничего не говорю. И мне обидно что ты меня не слушаешь. Мы вышли из больницы в феврале 1942 года. Снега уже не было. Наступила ранняя узбекская весна.

В сентябре 1943 года мы вернулись в Москву. В наш дом попала бомба, в голубятне были проведены грубые восстановительные работы. Стекол в окнах не было, потолок протекал. наших вещей, самых необходимых, мы не нашли. Надвигалась зима. Застеклили окно, привезли и распилили дрова. нас радовала каждая уцелевшая книга, каждая оставшаяся мелочь из обихода. Оглядываясь на пройденный путь, я вижу много лиш-

них движений и ненужных усилий. Но тогда мы не задумывались. Мы восстанавливали наш уголок для того, чтобы в нем жить, расти, работать и учиться. Я собрала все силы, чтобы помочь тебе вырасти.

С тех пор, как мы вернулись в Москву, ты стал моим товарищем. Временами я забывала, что рядом со мной ты, а не твой отец. Он умер в эвакуации в январе 1943 года. Я советовалась с тобой, продумывала все, что касалось нашего быта. Ты старался помочь мне и брал на себя то, что было тебе порою трудно. Эвакуация приучила тебя к самостоятельности. А перенесенные трудности еще крепче привязали нас друг к другу. Помню раз, когда мы пилили с тобою дрова, ты остановил пилу, помолчал и произнес задумчиво: «Белеет парус одинокий в тумане моря голубом...». Я с удивлением посмотрела на тебя: что с тобой? Мама, ты устала, отдохни. А твои любимые стихи я прочел, чтобы тебя порадовать.

Новогодний вечер

Новый год мы встречаем с тобой вдвоем. Светло и тепло в голубятне, весело топится печка. Елка, опутанная серебряными нитями, наполняет комнату запахом хвои. На нынешний новый год ты попросил меня: «Мама, расскажи мне, как бывало, сказку». «Теперь ты читаешь книги и слушаешь радио, и моя сказка покажется тебе скучной», сказала я. «Мамочка, под но-

вый год сказка никогда не бывает скучной» запротестовал ты. Хорошо, согласилась я, послушай не сказку, а быль. Я расскажу тебе случай из моего детства.

Пылали в печке дрова. Наш домик под соломенной крышей до окон увязал в снегу. Крыша нависла над ним, как нахлобученная шапка. Огонь полыхал в печке и, заключенный в ламповое стекло, струился над столом. Как трепетно я любила огонь в детстве. Я любила его в русской печи, обставленной большими и маленькими глиняными горшками. Любила за голубые, синие, розовато-желтые язычки пламени, которыми он набрасывался на солому. Животворный и всесильный, когда он появлялся, то приносил с собою свет, тепло и уют.

Вечером у огня мой отец, твой дед, рассказывал мне сказки и были. Он рассказывал мне о человеке, который в мраке пещер хранил огонь и не гасил его. Рассказывал, как он боролся за жизнь и шел все вперед и вперед, презирая опасности. И как в борьбе вырос человек, смелый духом и чистый сердцем. Я, бывало, слушаю его и смотрю, как раскаленные угли в печке меняют окраску, как бархатный пепел окутывает их, и всем существом ощущаю, как древен огонь и каким добрым спутником он был человеку. И, казалось, из пламени встает человек, сильный, с огрубевшими от работы руками, и добрыми глазами улыбается мне.

Вот так накапливали люди опыт в веках, продолжал свой рассказ твой дед. Смотри, какие теплые валенки они придумали для тебя от холода, галоши от дождя и грязи, и бумагу, и перья, и чернила. Свой опыт человек хранит в книгах. А тебе досталось все готовое. И волна благодарности вдруг охватывала меня. И я буду работать, и я буду трудиться для будущего человека. Тогда, пряча улыбку, он заботливо большой рукой гладил мои волосы и строго говорил: «Каждый должен выполнить свой долг перед человеком нашего вчера и человеком нашего завтра».

Нам суждено, мой мальчик, большое счастье: в наш великий век, как никогда, накапливается личный опыт человека. И то, что не суждено было сказать мне, твоей маме, доскажешь за меня ты, мой сын. Я глубоко верю в тебя.

Болезни

Когда ты заболеваешь, я теряюсь. Нестерпимо больно видеть тебя в жестокой и чужой власти, которая вот-вот вырвет и унесет тебя от меня. Но тревога за тебя рождает новые силы, которые приходят на помощь тебе. Вытоплено, вымыта и убрана комната, открыта форточка. Часть вещей вынесена в коридор. В такой обстановке мне легче бороться с тем, что нависло над нами. Ты под легким одеялом, а я пою тебя то лекарством, то чаем, то морсом. Во мне просыпается большой, неведомый мне опыт. Я упрямо защищаю тебя и этой волей к жизни стараюсь

заразить и тебя. Пей, пей, прошу тебя я, помоги себе, тебе не будет так жарко. Лекарство унесет твою болезнь. В жару, в бреду ты повинешься звуку моего голоса, несущего тебе освобождение. И не одну бессонную ночь я просиживала у твоей кровати, не доверяя тебя даже отцу. На его просьбу лечь я отвечала: «боюсь, если я засну, случится что-то страшное». И вот однажды, измученная, я забылась, а когда очнулась и вспомнила все, то долго боялась открыть глаза. Как только проходят острые моменты болезни, начинаются капризы. Но я им рада, они являются спутниками возвращающегося здоровья.

Всю зиму 1943 года ты проболел. Я уходила на работу, оставляя тебя одного. Как только падала высокая температура, ты одевался и вылезал из-под одеяла. На убранной постели ты начинал играть, читать и даже заниматься. Бывало, ты разбрасывал во всю длину и ширину одеяла пуговицы. Наклонившись над ними, ты что-то бормочешь. Войдя незамеченная, я прислушиваюсь: «капитан, нет лейтенант...». Я попросила тебя объяснить свою игру. Мамочка, сказал ты, пуговица – это человек. Сегодня это просто солдат. Видишь войсковые соединения, я играю в войну. Когда буду играть в футбол, то пуговица станет футболистом. Все зависит от того, какую игру я придумаю. А знаешь, мама, у меня пропал Адмирал флота, самая любимая моя пуговица. Ты не видела ее? Наверное, закатилась под кро-

вать, говорю я, и тихонько беру ножницы и срезаю только что пришитую пуговицу.

Той же зимой, в постели, ты издал географический журнал с рисунками и загадками, который назвал «Компас». А что ты с ним будешь делать? спросила я. Издам второй и третий номер, а когда их будет десять, устрою юбилей. И ты позовешь товарищей, а я испеку пирог. Но больше пяти номеров у тебя не вышло, аккуратно сложенные тетрадки ты и сейчас хранишь у себя.

Забыты детские капризы. Во время болезни ты читаешь часами, и за книгой забываешь все на свете. Ты начинаешь рассказывать мне прочитанное, волнуясь, как будто ты сам все это пережил. Читая книги Купера, ты стал просить меня: «Мама, будь моим серым мустангом, на минуточку, умоляю тебя». Раз ты прервал чтение и попросил у меня зеркало. Заглянув в него, ты сказал разочарованно: «Мама, я думал, что я черкес, а на самом деле я похож на Мотеле, едущего в Америку, из книги Шолома Алейхема».

Твоя учеба

Ты готовишь уроки – разучиваешь стихи. Шагая по комнате, выразительно и громко повторяешь фразу за фразой. Потом переходишь к истории. Рассказываешь о Троянской войне, о том, как семь греческих городов спорили за честь считаться ро-

диной слепого Гомера. Об Ахилле, Гекторе и Парисе. Ты говоришь мне: «Мама, теперь я знаю, что такое ахиллесова пята- это самое уязвимое место человека. Еще я не согласен с Парисом. Почему он отдал яблоко богине красоты Афродите? Я бы отдал его богине мудрости Афине».

Твоя учеба – мой праздник. Ты отбрасываешь далеко стены нашей голубятни. Совсем рядом с нами Гималайские горы, сибирские реки Обь, Енисей, Лена. Великих ученых и писателей ты приводишь к нам в Голубятню. А знаешь, мама, говоришь ты мне: «Ахилл прожил короткую жизнь, но полную подвигов. И папа прожил короткую...». А ты проживешь долгую жизнь, полную трудовых подвигов, отвечаю я. Знай, когда обрывается молодая жизнь, это большое несчастье, потому что жизнь прекрасна!

После истории ты занимаешься алгеброй, и в комнате воцаряется тишина. Алгебра, по твоим словам, тебе дороже всего. В твоём уголке теперь долго будет тихо. В тишине мне вдруг становится ясно, откуда струится тепло в комнате: не от кафельной печки, не от вещей, а от книг и твоей учебы. Своё волнение, полет мысли и фантазии человек доверил слову. Рядами строчек потянулись слова по белой странице. Плотной прижалась одна страница к другой. Собранные вместе, они называются «книга». То, что затаила книга, переселяется сейчас в твою голову. Ученый, который трудился над книгой, поднимает теперь тебя на

крыльях своей мысли, и учит думать. И благодарностью к невидимому автору наполняется мое сердце. Я гляжу с любовью на вас обоих: на его книгу и на тебя, склонившегося над ней. И чудится мне – на морях твоей географической карты синие высокие валы с белыми гребешками пены. И ветры сильные, молодые и задорные, носятся над ними. Они так много знают о моем «вчера», и так много обещают тебе в «завтра».

Москва, 1948 г.

Биография В.С. Хорол

Вера (Двойра) Хорол родилась в 1894 году в местечке Охримова Киевской губернии (ныне Киевской области Украины). Детские и юношеские годы она росла под сильным влиянием брата матери, известного еврейского писателя Давида Бергельсона, который был старше Веры на 11 лет. Когда Вере минуло 15 лет, семья переехала в Киев, где она закончила гимназию и поступила на Высшие женские курсы при физико-математическом факультете Киевского университета. Позже, в 1929 г она закончила литературное отделение педагогического института в Киеве. В 1919 – 1930 годы Вера Хорол учительствовала в детских домах и школах. Первые ее стихи были напечатаны в 1922 – 1923 г. в Москве в журнале «Штром» (Течение). В 1926 – 1927 г. Вера Хорол печаталась в журнале «Ройте Вельт» в

Харькове и журнале «Дер Штерн» в Минске. В 1929 г вышел сборник стихов Веры Хорол в Харькове в издательстве «Гескульт» под названием «Лидр» (Стихи).



Вера Хорол с сыном – Семеном Юдицким, Москва, 1939 г.

В 1935 г. она была принята в Союз писателей СССР, и вошла в состав детской секции. В 1934 – 1940 г. вышли 15 детских книжек на еврейском языке в издательстве «Дер Эмес»: Киндерколония, Унзере Шхейнам, Зуммер, Винтер, Арбст, Фрименг, Автомобиль, Аэроплан... Все эти книжки переведены на русский язык и частично изданы «Детгиздатом». В 1948 г.

опубликована детская книжка «Козочка», в 1958 г. – «Белянка» (переиздавалась в 1959 – 1960 г.). В «Музгизе» печатались песни на слова Веры Хорол композиторов Раухвергера, Красева, Зары Левиной. Все эти песни неоднократно передавались по радио и звучат до сих пор.



Вера Хорол, Дубулты, 1973 г.

С 1957 г. некоторые стихотворения Веры Хорол были напечатаны в книжках-ширмочках для самых маленьких в издательстве «Детский мир». С 1963 г. в издательстве «Малыш» выходили книжки: «Весенний шум» (1965 г.), «Веселый петушок»

(1968 г.). В издательстве «Детская литература» вышла книжка «Муравей» (1964 г.). Параллельно с детскими стихами Вера Хорол работала над своими воспоминаниями на еврейском языке. Первая и вторая часть этих воспоминаний напечатаны в журнале «Советиш Геймланд» (Советская родина) 1968 г. № 2, 1969 г. № 3, под названием «Лирические тетради».

Вера Соломоновна Хорол умерла 3 августа 1982 г. в Москве, и похоронена на Востряковском кладбище.